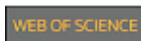

Бурдина С. В. Образ Китая в поэзии В. Перелешина / С. В. Бурдина, А. А. Арустамова, Хэ Тинтин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 186—199. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-186-199.

Burdina, S. V., Arustamova, A. A., He Ting. (2022). Image of China in Poetry of V. Pereleshin. *Nauchnyi dialog*, 11(1): 186-199. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-186-199. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-186-199

Образ Китая в поэзии В. Перелешина

Бурдина Светлана Викторовна

orcid.org/0000-0002-2926-9463

WoS ResearcherID Q-7810-2017

доктор филологических наук,

профессор,

заведующий кафедрой

русской литературы

swburdina@rambler.ru

Арустамова Анна Альбертовна

orcid.org/0000-0003-3079-0253

доктор филологических наук,

профессор, профессор кафедры русской

литературы

aarustamova@gmail.com

Хэ Тинтин

orcid.org/0000-0002-1414-3577

WoS ResearcherID AAU-4200-2021

аспирант кафедры русской литературы

heting120@gmail.com

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет
(Пермь, Россия)

Image of China in Poetry of V. Pereleshin

Svetlana V. Burdina

orcid.org/0000-0002-2926-9463

WoS ResearcherID Q-7810-2017

Doctor of Philology, Professor,

Head of the Department

of Russian Literature

swburdina@rambler.ru

Anna A. Arustamova

orcid.org/0000-0003-3079-0253

Doctor of Philology, Professor,

Department of Russian Literature

aarustamova@gmail.com

He Ting

orcid.org/0000-0002-1414-3577

WoS ResearcherID AAU-4200-2021

Post-graduate student

Department of Russian Literature

heting120@gmail.com

Perm State
National Research University
(Perm, Russia)

© Бурдина С. В., Арустамова А. А., Хэ Тинтин, 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается специфика образа Китая в творчестве поэта-младоземigrанта В. Перелешина. Утверждается, что Китай представлен в поэзии Перелешина разноаспектно: это и природа страны, и культура, и литература. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления специфики воплощения образа Китая в поэзии русской эмиграции. С этой точки зрения анализируются мотивно-тематический комплекс, система образов, аллюзии и реминисценции, связанные с изображением Китая в творчестве поэта. Новизна статьи состоит в том, что подробно проанализирована такая черта поэтики Перелешина, как принцип «перевода» с языка одной культуры на язык другой, показана специфика соотношения «своего» и «чужого» в творчестве поэта. Авторы приходят к выводу, что лирика В. Перелешина характеризуется погруженностью в мир Китая: она наполнена китайскими пейзажами, достопримечательностями, изображением обычаев и страниц истории Китая. В то же время в поэзии Перелешина воплощен полилог культур: глубокий интерес к этой стране сочетается со следованием традициям русской лирики XIX — начала XX веков и обращением к образам и мотивам мировой культуры.

Ключевые слова:

литература русского зарубежья; В. Перелешин; образ Китая; поэтика; культура и природа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The specificity of the image of China in the works of the poet-young emigrant V. Pereleshin is examined in the article. It is argued that China is represented in Pereleshin's poetry in different aspects: it is the nature of the country, and culture, and literature. The relevance of the study is due to the need to identify the specifics of the embodiment of the image of China in the poetry of the Russian emigration. From this point of view, the author analyzes the motive-thematic complex, the system of images, allusions and reminiscences associated with the depiction of China in the poet's work. The novelty of the article lies in the fact that such a feature of Pereleshin's poetics as the principle of "translation" from the language of one culture into the language of another is analyzed in detail, the specifics of the relationship between "friend" and "foe" in the poet's work are shown. The authors come to the conclusion that V. Pereleshin's lyrics are characterized by immersion in the world of China: they are filled with Chinese landscapes, sights, images of customs and pages of Chinese history. At the same time, the polylogue of cultures is embodied in Pereleshin's poetry: a deep interest in this country is combined with adherence to the traditions of Russian lyric poetry of the 19th — early 20th centuries and an appeal to the images and motives of world culture.

Key words:

literature of the Russian diaspora; V. Pereleshin; the image of China; poetics; culture and nature.

Образ Китая в поэзии В. Перелешина

© Бурдина С. В., Арустамова А. А., Хэ Тинтин, 2022

1. Введение = Introduction

Валерий Перелешин (1913—1992) является одним из самых ярких авторов русской эмиграции первой волны в Китае. Он принадлежит к «младшему» поколению русских эмигрантов. Известно, что в 1920 году семилетним ребенком Перелешин оказался в Китае. В 1950 году поэт предпринял неудачную попытку переехать в США, а в 1953 году перебрался в Бразилию, где оставался до конца жизни.

Перелешин был не только талантливым поэтом, но и прекрасным переводчиком; он серьезно интересовался мировой культурой, а также культурой стран, в которых жил. В целом для поэзии Перелешина характерен полилог культур. Не случайно поэт говорил о «трех родинках» — России, Китае и Бразилии. Примечательно, что изданный совсем недавно, в 2018 году, первый трехтомник этого автора (на сегодняшний день самое полное издание произведений Перелешина) так и называется — «Три родины». Как отмечает М. Н. Мосейкина, Перелешин относится к тем авторам, кому была свойственна «максимальная адаптация и успешный переход в чужую культуру (со своим “русским багажом”))» [Мосейкина, 2016, с. 56].

Обладавший способностью к языкам, поэт овладел многими из них, в том числе и китайским. Перелешину был свойственен интерес к древним мировым культурам — античной, восточной. Возможно, этим объясняется и его увлечение древней восточной поэзией и живописью. В связи с этим заслуживает внимание тот факт, что Перелешин перевел с китайского языка древнюю классическую поэму Цюй Юаня (ок. 340—278 до н. э.) «Ли Сао», а также древний китайский трактат «Дао дэ цзин». Русский поэт составил и антологию китайской поэзии «Стихи на веере» [Перелешин, 1970].

Китай не сразу «открылся» поэту, что было обусловлено биографически. Сначала Перелешин жил в Харбине, в русской среде, получал образование на родном для себя языке. В период обучения в Харбинском университете поэт изучал китайский язык, начал интересоваться китайской культурой. С этих пор Китай становится важной составляющей его поэтического мира.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Материалом для исследования послужили сборники произведений Валерия Перелешина «Стихи на веере. Антология китайской классической поэзии» (1970) и «Три родины: Стихотворения и поэмы» (2018).

Методологической основой статьи стал комплексный подход к явлениям литературы, позволяющий рассматривать их, с одной стороны, как целостную художественную систему, с другой — как систему типологически расчленяемую и дифференцированную. Необходимость анализа лирики Перелешина в контексте иной культуры обусловила обращение к историко-функциональному методу, согласно которому художественные произведения рассматриваются в их бытовании, эволюции и контекстных связях с другими явлениями литературы и культуры.

Проблема взаимодействия культур в творчестве Перелешина вызывает интерес литературоведов. Однако она все еще исследована далеко не в полной мере. Так, внимание ученых сосредоточено на том, в каких формах воплощается интерес поэта к культуре Китая — в «оригинальном и переводном творчестве». Например, В. Перелешин создает целый ряд стихотворений, в которых следует жанровым традициям китайской лирики [Цзя Юннин, 2019, с. 145]. Исследователи поэзии русских эмигрантов в Китае указывают на глубокий интерес Перелешина к китайской культуре, на глубину проникновения в нее [Сенина, 2018; Чжан Юань, 2021]. В работах ученых показано, что это проникновение приводит к взаимодействию в творчестве поэта китайских религиозно-философских традиций и христианских, в частности, говорится о влиянии русского космизма и в то же время пристальном интересе к философской и религиозной мысли Китая [Санникова, 2013]. Исследователи творчества В. Перелешина особенно отмечают, что поэта интересуют природа страны, «китайские образы, темы, мотивы» [Воробьева, 2009, с. 218; Цзя Юннин 2019, с. 147]. К их числу относятся мифологические персонажи, а также символические для китайской культуры образы луны, лотоса, крыльев и целый ряд других явлений.

В большинстве работ литературоведы сосредоточиваются на рассмотрении особенностей репрезентации Китая в творчестве поэта. О наследовании же традициям русской литературы говорится преимущественно в аспекте влияния акмеизма на поэтику В. Перелешина [Бузуев, 2001; Соловьева, 2002; Капинос и др., 2019 и др.]. Однако, на наш взгляд, можно говорить о таких особенностях лирики поэта, как диалог русской и китайской культур, с одной стороны, и диалог с русской классикой — с другой. Эти два важнейших принципа организации поэтического мира В. Перелешина сосуществуют в его поэзии, будучи воплощенными в художественном пространстве одного текста.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Взаимодействие культур в поэзии В. Перелешина

Взаимодействие культур в поэзии Валерия Перелешина реализуется посредством принципа «перевода» с одного языка культуры на другой, который можно назвать важнейшей чертой поэтики этого автора. Одним из ярких примеров подобного «перевода» является стихотворение «Красные листья под инеем». В названии стихотворения «зашифровано» китайское имя:

*«Красные листья под инеем» — странное имя:
Сколько в Китае затейных и умных имен!
Часто бывал я пленен и обрадован ими,
В странное имя сегодня я снова влюблен*
(«Красные листья под инеем») [Перелешин, 2018, с. 143].

Литературоведы и биографы Перелешина установили, что это имя звучит как *Шуан Хун* [Су Сяотан, 2010, с. 46]. Кроме того, здесь присутствует отсылка к «очень популярному стихотворению китайского поэта Ду Му эпохи династии Тан “Прогулка в горах” (“山行”), в котором последняя строчка такая: “Листва, опущенная инеем, / Краснее весенних цветов”» [Цзя Юннин, 2019, с. 83].

Диалог с текстом-предшественником, встреча двух культур происходит здесь не только посредством перевода китайского имени на русский язык, но и посредством аллюзии на русскую классику:

*Осень чиста и прозрачна, грустна и свободна.
Осень усталая — к жизни ее не зови.
Осенью иней на листьях, как панцирь холодный,
Гордая осень от вас не захочет любви.
Ему возражает лирический герой:
Да, но и осенью в полдень сильней прогревает
Бледное солнце и светит в кленовом саду* [Перелешин, 2018, с. 143].

Последние две строки лирического текста отсылают читателя еще к одному стихотворению — «Есть в осени первоначальной ...» Тютчева. Как и произведение Перелешина, стихотворение Тютчева построено на противопоставлении тезиса и антитезиса: *Есть в осени первоначальной / Короткая, но дивная пора — / Весь день стоит как бы хрустальный, / И лучезарны вечера <...> Пустеет воздух, птиц не слышно боле, / Но далеко еще до первых зимних бурь — / И льется чистая и теплая лазурь / На отдыхающее поле ...* [Тютчев, 1987, с. 196]. В первой и последней строфе союзы *но* и *и* следуют друг за другом, усиливая акцент на ясности и красоте осенней природы, настоящего момента. Обратим внимание, что и Перелешин располагает рядом два союза — противительный и сочинительный:

Но и осенью в полдень сильнее пригревает ..., утверждая торжество света и тепла над холодом.

Таким образом, Перелешин, чье знакомство с русской культурой было прежде всего литературоцентричным, как и у других младоэмигрантов, создает сложный текст, в котором на разных уровнях художественной системы взаимодействуют русская и китайская культуры.

3.2. Красота природы и культура Китая в творчестве В. Перелешина

В лирическом творчестве Перелешина находим немало прекрасных пейзажных зарисовок Китая. Красота озера или монастыря, храма на горной вершине воспринимаются лирическим героем как проявление целостности и гармонии мира. В то же время изображение природы сочетается у Перелешина с упоминанием культурных реалий, исторических событий, а нередко сопровождается отсылкой к литературному тексту. В стихотворении «Ночь на Сиху» в едином семантическом поле сопрягаются изображение красоты пейзажа знаменитого озера Сиху, исторический сюжет и литературные произведения, связанные с этим озером. Понять всю глубину лирического текста Перелешина вряд ли возможно без знания истории Китая, литературы этой страны.

Печаль, с которой сердце не сживется,

Повергла Цюй Юань в речную быстрину.

Седой Ли Бо нашел на дне колодца

Похмельную и низкую луну ... [Перелешин, 2018, с. 140].

Озеро Сиху расположено в западной части города Ханчжоу. Вокруг озера построены храмы, пагоды, павильоны, мосты. Чтобы подчеркнуть красоту Сиху, китайские мастера стремились вписать искусственный ландшафт в природный. Воплощающее собой идеальное сочетание красоты природы и красоты творений рук человеческих, Сиху всегда вдохновляло китайских поэтов на создание прекрасных произведений. Поэтому не кажется удивительным тот факт, что в стихотворении возникает образ первого известного в Китае лирического поэта Цюй Юаня (ок. 340—278 до н. э.). Опальный поэт-изгнанник, Цюй Юань, не выдержав испытаний, выпавших на его долю, в отчаянии бросился в воды реки Мило. Появляется в стихотворении Перелешина и упоминание еще одного поэта — Ли Бо, также известного не только в Китае, но и за его пределами. Один из самых почитаемых поэтов в китайской культуре, Ли Бо, по легенде, утонул в реке Янцзы, желая поймать отражение луны в воде, после чего взлетел на небо.

Красота озера не случайно заставляет лирического героя стихотворения вспомнить о поэтах-изгнанниках, скитальцах. Возможно, с их трагической судьбой соотносил эмигрант Перелешин и свою судьбу.

Показательно, что Перелешин наполняет тексты своих произведений аллюзиями как на китайскую, так и на европейскую культуру. Именно аллюзия становится маркером культурной идентичности героя Перелешина. Вопрос же об идентичности для поэта, как и для многих эмигрантов, становится ключевым.

Стихотворение «Ночь на озере Сиху» начинается с аллюзий на европейскую культуру:

*Под облаком глухим и молчаливым
Особенная дремлет тишина ...
К нему — с холма — готическим порывом
Игольчатая Башня взнесена.
Так Моисей на высоту Синая
Всходил один и говорил за всех ...* [Перелешин, 2018, с. 140].

Возможно, игольчатая башня здесь — это пагода Лэйфэн (雷峰塔) [Анашина, 2021], которая расположена возле озера Сиху. Она была построена в 975 году в эпоху пяти династий и десяти царств по приказу правителя Уюэ Цянчю подле вершины Лэйфэн, в честь которой и получила свое имя. В 1924 году пагода была разрушена. Связанная с этой башней «Легенда о Белой Змее» пользуется в Китае особой популярностью. Хорошо знающий предания, связанные с озером и его ролью в китайской культуре, автор, скорее всего, был знаком и с этой легендой. В процитированной строфе башня сопоставляется с готическим сооружением не случайно: и готический собор, и китайская пагода устремлены вверх. Подобные аллюзии маркируют лирического героя прежде всего как носителя европейской культуры, оказавшегося на чужбине:

*Из лодки снизу раздается смех —
И я, турист, бросаю утомленно
Свой привозной, заморский реквизит:
Пусть этой ночью над водою сонной
Сквозь вымыслы мне правда засквозит* [Там же].

«Заморский реквизит», этот культурный багаж героя, погруженность в культуру европейскую не позволяют ему в полной мере увидеть подлинную красоту и культуру Китая, не позволяют открыться навстречу новому — стране и культуре. Поэт понимает, что нежелание расстаться с определенными культурными клише таит в себе опасность так и остаться «туристом», то есть тем, кто поверхностно осматривает достопримечательности, не стремясь проникнуть в иную культуру.

Сюжет стихотворения разворачивается в направлении погружения героя в восточную культуру и принятия ее. И здесь важную роль играет столь значимый для Перелешина прием «перекодирования», перевода

с одного языка на другой. Автор переводит на русский язык выражения с китайского:

*Шестнадцатого — каждый месяц лунный, —
Как говорят, «окно полно луной».
Луна везде! И я, отныне юный,
Впадаю в мир уже почти родной [Там же].*

Выражение «как говорят» подчёркивает пока еще «внешний» по отношению к культуре переводимого языка статус лирического героя. Так может сказать «другой», «иной», не принадлежащий этой культуре человек. Но следующий виток развития сюжета все больше приближает героя к пониманию мира, в котором он оказался. Поэт называет его «*почти родным*». Такое движение лирического переживания вглубь, от внешнего к внутреннему, помогает художественно осмыслить и воссоздать процесс вхождения в новый мир, обретения новой культуры.

В изображении природы Китая у Перелешина проявляется принцип созерцательности. Предметом созерцания и рефлексии лирического героя могут быть не только лотос, абрикос или дикая яблоня, не только озеро Сиху или горная вершина, но и, как в стихотворении «В Шанхайгуане», локус, где была построена самая первая застава Великой китайской стены, главный ее перевал — Шанхайгуань. «В мифологии Шанхайгуань считается прародиной китайцев, в истории — это символ всего Китая, а последний ассоциируется со всей Вселенной» [Мяо Хуэй, 2016, с. 147]. Образ Великой стены возникает уже в первой строке стихотворения, и — «живописуются дали, открывающиеся с ее высоты, этнографические и исторические подробности» [Хадынская, 2019, с. 211]:

*Поднявшись на стены у «Первой Заставы Вселенной»,
Оттуда смотреть на прекрасные дымные горы,
На город, умолкший внизу, на поселок застенный,
На эти раздвинутые далеко кругозоры! [Перелешин, 2001, с. 99].*

Здесь в едином поэтическом контексте сопрягаются прошлое и настоящее: *Зубчатые стены побиты в бесчисленных войнах,
Тяжелые своды осели, близки к разрушению.
Но осликов кротких отрада — меж вязов спокойных
В полуденный зной отдыхать под зубчатую тенью [Там же].*

Мотив исторической памяти актуален для Перелешина. Причем большое значение имеет для поэта не только память персональная, индивидуальная, память эмигранта, но и культурная, историческая. Вспоминая у Китайской стены об исторических событиях, происходивших здесь много веков назад, лирический герой обращается и к собственной судьбе, собственному жизненному пути:

*Я как собиратель камней дорогих и жемчужин,
Что прячет их нежно в резные ларцы и шкатулки:
И каждый прохожий мне дорог,
и каждый мне нужен,
И память хранит вечера, города, переулки [Там же].*

Как правило, пейзаж Перелешина соединяет в себе панорамность и детальное описание, общечеловеческое и личное. В стихотворении «Чжунхай», описывая один из императорских садов в Пекине, поэт чередует изображение лотосов и кувшинок с описанием открывающихся взору далей, переключая внимание с детали на перспективу. Называя этот шедевр садово-паркового искусства садом, поэт актуализирует семантику сада как рая, вход в который позволен только тому, кто добродетелен:

*Из всех садов я полюбил Чжунхай
За синие расширенные дали:
Не это ли Господень тихий рай
Для тех, что белых риз не запятнали? [Перелешин, 2018, с. 122].*

С этой точки зрения интересно и стихотворение «Вид на Пекин из Би-Юнь-Сы», которое открывается панорамным пейзажем столицы Китая:

*Стою, как путник давний и бездомный,
У мраморного белого столба,
И город подо мной лежит огромный,
Как целый мир, как море, как судьба [Там же, с. 120].*

В то же время речь здесь идет и о храме на вершине горы, дорога к которому символизирует духовный путь лирического героя. Появляется и «устойчивый в поэзии Перелешина образ сосны у храма, символизирующий покой и тишину» [Цзя Юннин, 2019, с. 77]. Может показаться, что речь идет о смерти:

*О, если бы, прервав полет невольный,
Сюда прийти, как голубь в свой ковчег,
Впервые под сосною белоствольной
Вздохнуть и упокоиться навек! [Перелешин, 2018, с. 85].*

Однако именно через противостояние жизни и смерти поэт утверждает идею жизни (*Так спрятаться, врасти и притаиться, Чтоб смерть забыла — и прошла внизу!* [Перелешин, 2018, с. 120]), что отсылает читателя к известному стихотворению другого русского поэта:

*... Я б хотел забыться и заснуть!
Но не тем холодным сном могилы ...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь [Лермонтов, 1988, с. 222].*

3.3. «Свое» — «чужое» в поэзии Перелешина

Говоря об изображении Китая в творчестве поэта-эмигранта Перелешина, необходимо затронуть и центральный для всех, наверное, представителей русской литературы в изгнании вопрос о позиции лирического героя, его самоидентификации.

Символичны уже названия книг лирики Перелешина: «Три родины», «Южный дом». Однако во многих произведениях лирический герой называет себя путником, странником. Чтобы показать, каким образом такое мироощущение соотносится с погруженностью одновременно и в западную, и в восточную культуры, обратимся к стихотворению «Заблудившийся аргонавт», в котором лирический герой провозглашает открытость миру во всем его многообразии, высказывает готовность к восприятию разных культур.

В основе стихотворения лежит сюжет перевоплощения героя в человека иной культуры и, стало быть, иной судьбы:

*Но, когда бы ведать, что с детства
Я Китаю был обручен,
Что для этого и наследства,
И семьи, и дома лишен, —
Я б родился в городе южном —
В Баошане или Чэнду ...* [Перелешин, 2018, с. 138].

Примеряя на себя образ человека, рожденного в Китае, герой пытается представить, какой могла бы быть эта «другая» жизнь: размышляет о возможном имени, которым его могли бы назвать (Свирель Луны / 月笛, Утес Дракона / 龙岩, Луч Тишины / 静光), представляет возможную внешность (*Под горячим солнцем смуглея, / Потемнело б мое лицо* [Там же, с. 139]), пытается угадать этапы возможной судьбы ... Так утверждает идея поликультурного взаимодействия. Быть в лоне лишь одной культуры, не зная о существовании другой, — такой путь кажется лирическому субъекту слишком тесным (*Так, не зная, что мир мой тесен, / Я старел бы, важен и сит* [Там же]).

Примечательно, что вторая часть произведения раскрывает «русскость» лирического субъекта. Именно принадлежность русской культуре — основа его уникальности. Только ощущая свое родство с ней, считает поэт, можно двигаться навстречу другим культурам, познавать их, погружаться в них (*...при всей нагрузке / Вер, девизов, стягов и правд, / Я — до костного мозга русский / Заблудившийся аргонавт* [Там же, с. 139]).

Идея единства и взаимодействия разных культур проявляется в стихотворении Перелешина и при помощи включения в его контекст образов и мотивов мировой культуры. Так, лирический герой называет себя заблудив-

шимся аргонавтом, отсылая читателя к мифу о золотом руне — греческому мифу, который в символическом ключе возможно истолковать как странствие души. Можно сказать, что поиск руна аргонавтами — это метафора странничества. В то же время в пространстве стихотворения встречаются отсылки и еще к нескольким культурам — античной, русской, китайской; таким образом реализуется ключевой, может быть, принцип организации поэтического мира Перелешина — диалогичность.

Вопрос о самоопределении, о позиции лирического героя — центральный в обоих сборниках. Поэт утверждает: Китай — это «Южный дом», однако Россия, покинутая им в детстве, — родина, мысли о ней вызывают тоску и ностальгию:

Ласточка на север улетает,

<...>

Запоздалой ласточкой из клетки

Я давно умчался бы домой,

Но платан протягивает ветки,

Говорит: «Ты мой, навеки мой!» («Север») [Там же, с. 147].

Здесь — как и в целом ряде других стихотворений — центром произведения является противопоставление севера и юга. Приметами севера, России являются ожидаемые образы — снега, полярных выюг, реки Волга. Юг же ассоциируется с теплом, сладостной неволей. С одной стороны, корни поэта — русские, и при всей любви к Китаю он там — странник, иностранец, которому придется покинуть и этот дом, перебраться в Бразилию. С другой стороны, Китай — это и дом, в котором он обрел радости и печали, где *«на ласковом, на теплом юге / Ты среди друзей, среди подруг»* [Там же, с. 118]. Китай — «мачеха», но — ласковая, это земля, где в *«желтой я вырос стране, / И желтые кроткие люди мне братьями стали: / Здесь неповторимые сказки мережились мне / И летние звезды в ночи для меня расцветали»* [Там же].

Такая внутренняя противоречивость героя обуславливает сложность в определении своего места не только по отношению к утраченной родине или к стране, ставшей для него домом, но и в жизни, в мире как таковом. Не случайно финальное стихотворение сборника «Южный дом», в котором поэт говорит об обретении энергии движения и поиске новых смыслов, называется «Искатель».

4. Заключение = Conclusions

В поэтическом мире Перелешина Китай, его природа и культура играют особую роль. Лирика этого самобытного поэта наполнена китайскими пейзажами, образами и мотивами, связанными с историей Китая и обы-

чаями этой страны. Некоторые черты поэтики Перелешина словно бы заимствуют восточную технику живописи. Рисуя пейзаж, поэт сочетает панорамность и внимание к детали, сопрягая большое и малое, общечеловеческое и личное, эпическое и лирическое.

Художественное воплощение ландшафта в лирике Перелешина сопровождается упоминанием множества исторических персонажей, связанных с ними сюжетов, а также исторических событий. Природное и рукотворное создают гармоничный, целостный образ мира, в котором человек не противопоставлен природе, но является ее частью. Поэт обращается к восточному искусству, обогащая возможности слова, что позволяет ему усилить специфику восточного колорита в стихотворениях, воплотить созерцательность как одну из черт своего поэтического мироощущения.

В лирике Перелешина большое значение имеет встреча разных культур, открытость им. Принцип «перевода» с языка одной культуры на язык другой является одной из важнейших черт поэтики этого автора. В его стихотворениях можно увидеть следование традициям как русской поэзии XIX—XX веков, так и восточной.

Именно полилог культур во многом определяет позицию лирического героя в творчестве Перелешина. Достаточно глубоко погруженный в культуру Китая, поэт одновременно открыт разным культурам, чувствует себя «странником» в огромном мире. Такая открытость актуализирует поиски лирическим героем культурной самоидентификации и ответов на вечные вопросы человеческого бытия.

Источники и принятые сокращения

1. *Лермонтов М. Ю.* Сочинения в 2-х томах / М. Ю. Лермонтов. — Москва : Правда, 1988. — Том 1. — 720 с.
2. *Перелешин В.* Стихи на веере. Антология китайской классической поэзии / В. Перелешин. — Франкфурт-на-Майне : Посев, 1970. — 55 с.
3. *Перелешин В.* Три родины : Стихотворения и поэмы / В. Перелешин. — Москва : Престиж Бук, 2018. — Том 1. — 608 с. — ISBN 978-5-371-00634-9.
4. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений / Ф. И. Тютчев ; сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. — Ленинград : Сов. писатель, 1987. — 448 с. (Б-ка поэта. Большая серия).

Литература

1. *Анашина М. В.* Пагода Лэйфэн в Ханчжоу [Электронный ресурс] / М. В. Анашина. — Режим доступа : <https://anashina.com/leifengta/> (дата обращения 14.08.2021).
2. *Бузуев О. А.* Литература русского зарубежья Дальнего Востока : проблематика и художественное своеобразие (1917—1945 гг.) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / О. А. Бузуев. — Москва, 2001. — 44 с.
3. *Ван Е.* Символика образа крыльев в лирике китайского периода Валерия Перелешина / Ван Е. // Вестник Калмыцкого университета. — 2016. — № 2. — С. 86—94.

4. Воробьева И. Ю. Китайская литературная традиция в восприятии поэтов дальневосточной эмиграции (на материале сонетов М. Щербакова и М. Волина) / И. Ю. Воробьева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 119. — С. 217—223.

5. Капинос Е. В. Акмеистический фон «Поэмы без предмета» В. Перелешина / Е. В. Капинос, Е. Ю. Куликова // Любимый Харбин — город дружбы России и Китая. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае. — Владивосток : Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, 2019. — С. 251—259. — ISBN 978-5-9736-0556-8.

6. Мосейкина М. Н. Судьба поколений литературной эмиграции в контексте российско-латиноамериканского диалога культур / М. Н. Мосейкина // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. — 2016. — Т. 18. — № 4. — С. 55—67. — DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.065.

7. Мiao Хуэй. Изображение традиционной китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае / Мiao Хуэй. — Владивосток : Издательство Дальневосточного федерального университета, 2016. — 146 с.

8. Санникова И. Р. Религиозно-философское своеобразие лирики Валерия Перелешина / И. Р. Санников // Вестник ТГПУ. — 2013. — № 2. — С. 101—107.

9. Сенина Е. В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в. : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. В. Сенина. — Благовещенск, 2018. — 245 с.

10. Соловьева Т. М. Лирика Валерия Перелешина : проблематика и поэтика : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. М. Соловьева. — Москва, 2003. — 170 с.

11. Су Сяотан. Китайское написание в поэзии В. Перелешина / Сяотан Су // Вестник Цицикарского университета. — 2010. — № 3. — С. 45—47. (苏晓棠. 瓦西里·别列列申诗歌的中国书写 // 齐齐哈尔大学学报. — 2010. — № 3. — 46页).

12. Хадынская А. А. Три родины Валерия Перелешина / А. А. Хадынская // Дергачевские чтения — 2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики : материалы XIII Всероссийской научной конференции (г. Екатеринбург, 18—19 октября 2018 г.). — Екатеринбург : УрО РАН, 2019. — С. 202—217. — ISBN 978-5-7691-2523-2.

13. Цзя Юннин. Образ Китая в поэзии Арсения Несмелова и Валерия Перелешина : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.01 / Цзя Юннин. — Москва, 2019. — 165 с.

14. Чжан Юань. Китай в жизни и творчестве Перелешина / Чжан Юань // Евразийский гуманитарный журнал. — 2021. — № 1. — С. 77—91.

Material resources

Lermontov, M. Y. (1988). *Works: in 2 volumes, 1*. Moscow: Pravda. 720 p. (In Russ.).

Pereleshin, V. (1970). *Poems on a fan. Anthology of Chinese classical poetry*. Frankfurt am Main: Sowing. 55 p. (In Russ.).

Pereleshin, V. (2018). *Three Homelands: Poems and Poems, 1*. Moscow: Prestige Book. 608 p. ISBN 978-5-371-00634-9. (In Russ.).

Tyutchev, F. I. (1987). *The complete collection of poems*. Leningrad: Soviet writer. 448 p. (Bka poet. A large series). (In Russ.).

References

- Anashina, M. V. *Leifeng Pagoda in Hangzhou*. Available at: <https://anashina.com/leifengta/> (accessed 14.08.2021). (In Russ.).
- Buzuev, O. A. (2001). *Literature of the Russian abroad of the Far East: problems and artistic originality (1917—1945)*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 44 p. (In Russ.).
- Jia Yunning. (2019). *The image of China in the poetry of Arseny Nesmelov and Valery Pereleshin*. PhD Diss. Moscow. 165 p. (In Russ.).
- Kapinos, E. V., Kulikova, E. Y. (2019). The acmeistic background of “Poems without a subject” by V. Pereleshin. In: *Lyubimy Harbin — the city of friendship between Russia and China. Russian Russian Diaspora Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 120th anniversary of the Russian history of Harbin, the past and present of the Russian Diaspora in China*. Vladivostok: Publishing House of Vladivostok State University of Economics and Service. 251—259. ISBN 978-5-9736-0556-8. (In Russ.).
- Khadynskaya, A. A. (2019). Three Rodinas of Valery Pereleshin. In: *Dergachev readings — 2018. Literature of regions in the light of geo- and Ethnopoetics: materials of the XIII All-Russian Scientific Conference (Yekaterinburg, October 18—19, 2018)*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 202—217. ISBN 978-5-7691-2523-2. (In Russ.).
- Miao Hui. (2016). *Image of traditional Chinese culture in Russian emigrant literature in China*. Vladivostok: Publishing House. Far Eastern Federal University. 146 p. (In Russ.).
- Moseikina, M. N. (2016). The fate of generations of literary emigration in the context of the Russian-Latin American dialogue of cultures. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 2. Humanities*, 18 (4): 55—67. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.065. (In Russ.).
- Sannikova, I. R. (2013). Religious and philosophical originality of Valery Pereleshin's lyrics. *Bulletin of TSPU*, 2: 101—107. (In Russ.).
- Senina, E. V. (2018). *The image of mutual perception of Russians and Chinese in Russian and Chinese literature and journalism of the first half of the XX century*. PhD Diss. Blagoveshchensk. 245 p. (In Russ.).
- Solovyova, T. M. (2003). *Lyrics of Valery Pereleshin: problematics and poetics*. PhD Diss. Moscow. 170 p. (In Russ.).
- Su Xiaotang. (2010). Chinese Writing in V. Pereleshin's Poetry. *Bulletin of Tsitsikar University*, 3: 45—47. (In Chine.).
- Vorobyova, I. Yu. (2009). The Chinese literary tradition in the perception of poets of the Far Eastern emigration (based on the sonnets of M. Shcherbakov and M. Volin). *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 119: 217—223. (In Russ.).
- Wang E. (2016). The symbolism of the image of wings in the lyrics of the Chinese period by Valery Pereleshin. *Bulletin of the Kalmyk University*, 2: 86—94. (In Russ.).
- Zhang Yuan. (2021). China in the life and work of Pereleshin. *Eurasian Humanitarian Journal*, 1: 77—91. (In Russ.).